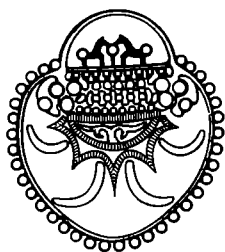

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1967

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ДВЕ СТУПА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Проблема распространения буддизма на территории Средней Азии в последние годы все более привлекает внимание советских ученых. Она имеет интерес, выходящий за рамки собственно буддийского культа, отображая не только пути проникновения этой религиозной системы в страны древнего мира, в чьей духовной и всей социальной жизни религия всегда играла огромную роль, но также характеризую процессы установления и развития исторических контактов между различными народами и областями. Под личиной приобщения новообращенных к сонму почитателей Будды нередко скрывались цели более практические, земные, а закрепление буддийских общин на чужих территориях превращало их в фактории купцов, в форпосты политического влияния, в пункты идеологического наступления.

Работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции по изучению городища Айртам на берегу Аму-Дарьи и по обследованию архитектурных памятников древнего Термеза позволяют дать подробную характеристику двух специфически буддийских сооружений — ступа, изучение которых проводилось автором и З. Хакимовым в 1964 и 1965 гг.

В юго-восточной части городища Старого Термеза высится массивная башнеобразная руина, известная в народе под названием Зурмала. Хотя памятник этот уже в 1920 г. привлек внимание краеведов¹, первое обследование его осуществил в 1926 г. А. С. Стрелков. В опубликованных им статьях² приведено описание Зурмалы (не вполне, впрочем, точное) и высказано предположение, что она представляет собою буддийскую ступа — без уточнения ее датировки. В следующем 1927 г. Б. Н. Засыпкин снял схематический план Зурмалы³.

Отождествление памятника с буддийской ступа было скептически принято Б. Н. Кастаньским, который писал: «Лично я позволю себе усомниться в этом смелом выводе»⁴. М. Е. Массон более осторожно писал о Зурмале, как о «предполагаемой буддийской ступа»⁵, а В. А. Шишкин считал, что «назначение этой башни нельзя пока считать окончательно выясненным»⁶.

В последней публикации Б. Я. Ставиского говорится об отсутствии каких-либо оснований для определения как буддийской ступа этого памятни-

¹ Маловероятно сообщение Г. В. Парфенова о якобы вскрытом в 1920 г. краеведом С. А. Кукурышкиным погребении «на верхней площадке башни Зурмала»; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. ТАКЭ, Ташкент, 1940, стр. 27 и прим. 137 на стр. 111.

² А. С. Стрелков. Зурмала или Катта-Тепе около Термеза. Сб.: «Культура Востока», 1, М., 1927, стр. 27—30; A. Strelkoff. Les monuments de Termez. «Artibus Asiae», 1928—1929, 4, стр. 219—220.

³ М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 28.

⁴ Б. Н. Кастаньский. Историко-географический обзор Сурханской и Ширбадской долин. «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, 3, стр. 7.

⁵ М. Е. Массон. Ук. соч., рис. 3, стр. 28.

⁶ В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза. ТАКЭ, стр. 148.

ка, который «с одинаковым успехом может оказаться башней или даже минаретом»⁷.

На основе сопоставления архитектуры Зурмалы со ступами Афганистана нам казалась вполне убедительной интерпретация А. С. Стрелкова⁸, однако то скептическое отношение, которое существует в научной среде,

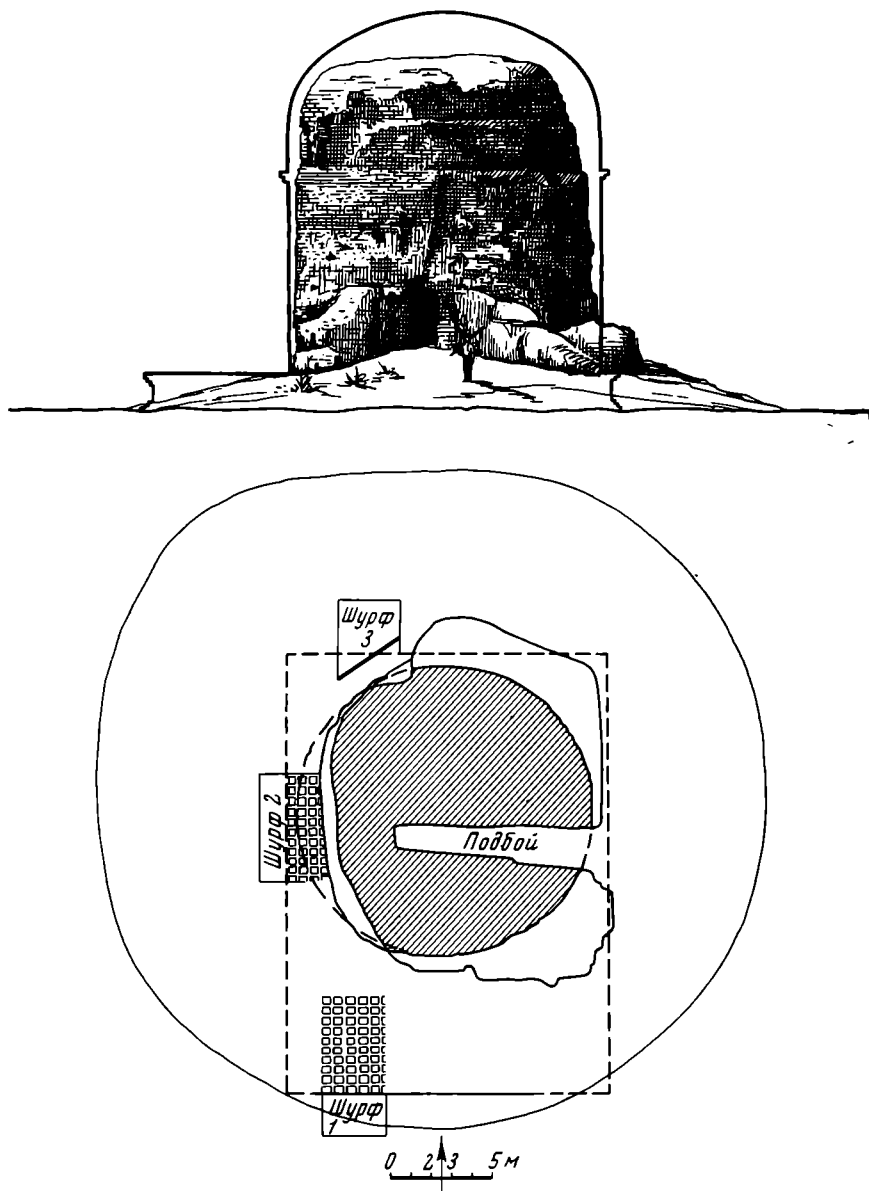

Рис. 1. Термез. Ступа. Зурмала. План и восточный фасад

выдвигало необходимость подкрепления этой гипотезы твердой аргументацией. В 1964 г., помимо составления обмеров руины, в целях уточнения некоторых вопросов, связанных с ее архитектурой и датировкой, нами были произведены расчистка и шурфовка в юго-западном и в северо-западном участках основания Зурмалы (рис. 1), а в радиусе до полукилометра на полях собран подъемный материал.

Зурмала сооружена из сырцового кирпича размером $32-33 \times 32-33$ см

⁷ Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-Тепе в 1961—1962 гг. В кн. «Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе». М., 1964, стр. 58.

⁸ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 8.

(варианты до 34—35 см) при толщине 11—12 см, на глиняном растворе⁹. На нижней постельной стороне кирпичей либо нанесена черта, либо оттиснуты пальцами две ямочки. Формат сырца и эти метки типичны для античной архитектуры Бактрии¹⁰; в V—VII вв. в Тохаристане переходят к сырцу прямоугольной формы, а в раннемусульманском средневековье — вновь к квадратному, толщина которого, однако, не превышает 5—6 см, а клейма отсутствуют.

Рис. 2. Зурмала. Вид с юга. Черными линиями подчеркнут пьедестал, обнаруженный в шурфе № 1

В современном состоянии Зурмала представляет сильно деформированный округлый башенный массив (рис. 2). Он давно утратил многие участки наружных кладок, особенно с западной стороны, с восточной рассечен щелью, верх его обрушился, в восточной половине значительны обвалы упавших к основанию кладок. Массив этот покоится на плоском, скругленном размытами основании, сложенном из сырцового кирпича. Расчистки показали, что первоначально это был прямоугольный стилобат (22×16 м при высоте 1,40 м), ориентированный по странам света, выступавший относительно круглого тела постройки с южной стороны и лишь на 50—70 см с западной и восточной. В северо-западном участке сохранился лишь его срез да комковатые куски глины и сырца.

На этом стилобате возвышался почти на 13 м основной цилиндрический массив диаметром 14,50 м, а далее следовало ясно видимое скругление кладки при переходе к сферическому завершению.

В описании А. С. Стрелкова упоминается, что якобы Зурмала имеет два перпендикулярных коридора с плоскими перекрытиями (один на высоте 1,50 м, а второй — 6—6,5 м), которые могли служить для сохранения реликвий. В действительности «верхнего коридора» вообще не существует — очевидно, автор счел за него одну из промоин кладки, а «нижний коридор» — это длинный, небрежно выполненный подбой в кладке, уходящий в ее толщину до 10 м, с сужением по ширине от 2,20 м до 1 м. Подбой этот

⁹ В публикациях А. С. Стрелкова ошибочно указан размер сырца Зурмалы 30 × 30 × 4,5 — 5 см.

¹⁰ А. С. Стрелков. Ук. соч., стр. 27.

был устроен пастухами, которые спасались здесь зимой от ветра и разводили костры, закоптившие все стенки. Он позволяет ознакомиться с конструкцией кладки, свидетельствуя, что здание не имело внутри ни помещений, ни забутовки, но целиком было сложено из сырца. На возведение постройки, по приблизительному подсчету пошло до 1 200 000 штук сырцовых кирпичей.

Архитектура Зурмалы никак не дает оснований принимать ее за сторожевую башню или минарет — этому противоречит общая композиция (ци-

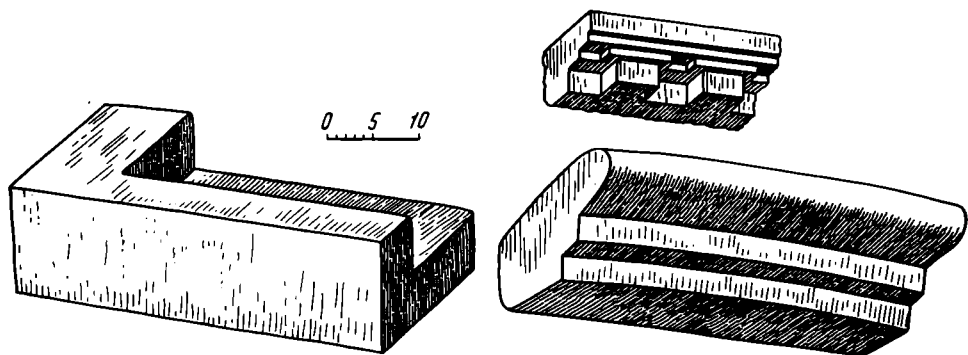

Рис 3. Каменные блоки, найденные близ Зурмалы

линдрический, увенчанный полусферой сплошной массив на квадратном стилобате), грузные пропорции, отсутствие камер для дозорных, внутренней лестницы и внешних верхних площадок для часовых или муэдзина. И наоборот, все архитектурные признаки свидетельствуют, что перед нами типичная буддийская ступа.

Появление Зурмалы восходит к античному времени. Это определяется как размерами и общим типом квадратного сырцового кирпича с метками на одной из постелей, так и фрагментами античной керамики, обнаруженными в северо-западном шурфе, среди которых особенно характерна часть тонкостенного бокала красного черепка с ярко-красным ангобом; фрагменты бокалов на полых конических ножках попадают близ Зурмалы на прилежащих хлопковых полях.

Здание сохранило ныне лишь свой сильно поврежденный от времени строительный остов. А между тем первоначально оно было покрыто облицовками. Часть из них была вытесана из белого мергелистого известняка. Камень этот в древности добывался до 40 км от Термеза вверх по Аму-Дарье и доставка его на плотам, а затем подвоз на место строительства были делом достаточно сложным; лишь ответственностью возводимого здания можно объяснить все связанные с этим затраты средств и труда. Здесь несомненна также дань буддийской традиции — ступа, почти как правило, имели облицовку¹¹. Во время работ Термезской археологической комплексной экспедиции М. Е. Массон уже отметил находки в районе расположения Зурмалы отесанных, а иногда профилированных блоков мергелистого известняка. Нами также было подобрано вблизи постройки до десятка обколотых кусков этого камня и небольшой фрагмент карниза на дентикулях, а к северу от Зурмалы, где, по сведениям В. А. Козловского, встречаются аналогичные находки, было осмотрено несколько крупных профилированных плит и блоков (рис. 3). Одна из плит плоская, прямоугольная (35 × 27 × 3 см), другая — с рельефным бортиком, обрамляющим две грани (40 × 27 × 6 см, при высоте бортика 6 см). Интересен блок размером 38 × 30 × 30 см, профилированный валом и двумя полочками; он явно входил в оформление круглого сооружения большого диаметра и, очевидно, является деталью карниза или тяги цилиндрического тела ступа, так как

¹¹ G. Combaz. L'évolution du stupa en Asie. *Mélanges chinois et bouddhiques*. III, Bruxelles, 1935, стр. 103.

его боковые грани имеют клинчатую форму, а лицевая — легкое скругление линий. К сказанному следует добавить, что в прежние годы северо-восточней Зурмалы был найден сильно поврежденный барельеф высотой 60 см — фигура сидящего с поджатыми ногами бодисатвы, утратившая голову и кисти рук ¹².

Помимо каменных архитектурных фрагментов вокруг Зурмалы, попадается бой обожженных кирпичей толщиной 6 см (размеров сторон установить не удалось), покрытых ярко-красной краской. Следы густо-красной краски сохранились также в углубленных элементах упомянутого фрагмента карниза с дентикулами. Химический анализ, осуществленный Е. Ф. Федорович, показал, что кирпичи окрашены охрой, а карниз киноварью. В этой связи уместно напомнить, что в Индии и в Хадде ступа нередко несут красную окраску на скульптурах и орнаментальных деталях, возможно, служившую грунтом под позолоту, следы которой, кстати, отмечены в Хадде ¹³.

Эти наблюдения позволяют воссоздать первоначальный облик Зурмалы в виде монументального сооружения, достигавшего 16 м по высоте. Его прямоугольный стилобат был выдвинут в южную сторону, где, вероятно, располагалась лестница. Стилобат покрывали облицовки из плит мергелистого известняка, с изваянными на них горельефами, а по верхнему краю проходил карниз на дентикулах; архитектурные и скульптурные детали были частично окрашены в красный цвет, возможно и позолочены. На этом стилобате высилось цилиндрическое тело, завершенное каменным карнизом, над которым начиналось полусферическое (точнее — очертания коробовой кривой) завершение ступа. Оно представляет сплошной массив сырцовый кладки, может быть, лишь содержащий наверху небольшое внутреннее устройство для хранения реликвий и для укрепления венчающего ступу элемента — хармика. Цилиндр и, вероятно, его сферическое завершение были облицованы жженым кирпичом, окрашенным в красный цвет; кирпич этот крепился на глиняном растворе, без какой-либо перевязки с сырцовыми кладками и потому давно стал опадать. Во времена же ислама могло начаться преднамеренное разрушение постройки — унос на бытовые нужды жженого кирпича, разборка облицовочных плит, уничтожение горельефных изображений. Напомним в этой связи, что в кладке фундаментов дворца Термезских правителей XI—XII вв. была обнаружена горельефная плита на тему одной из буддийских джатак ¹⁴, явно принадлежавшая оформлению какой-то ступа — может быть именно Зурмалы. Остов здания постепенно разрушался, но общая монолитность кладки из превосходного сырцового кирпича все же обеспечила его многовековую сохранность.

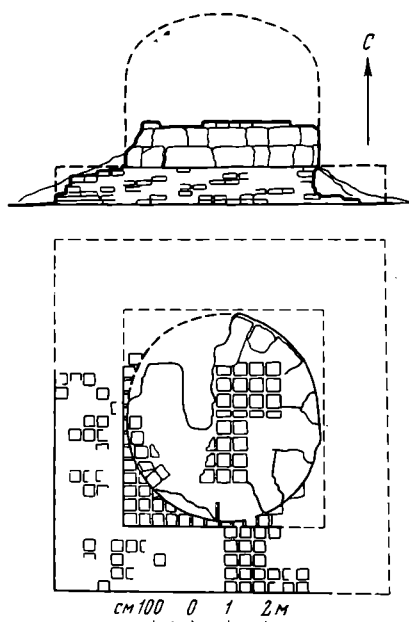

Рис. 4. Айртм. Развалины ступа.
План и южный фасад

¹² М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 77. Рельеф хранится в Термезском музее. Прежде, по следам положения рук высказывалось предположение, что это фигура музыканта, играющего на арфе.

¹³ G. Gomhaz. Ук. соч., стр. 103.

¹⁴ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 22 сл.

В восточной части городища Айртам высится руина небольшого округлого сооружения, которое жители называют «тумбой». В 1933 г. оно было определено М. Е. Массоном, как остатки ступа; археологического изучения ее в ту пору не предпринималось. Развалины сохранились на высоту в 2—2,3 м. До раскопок постройка представляла часть небольшого цилиндрического массива, особенно разрушенного в восточной половине, возвышавшегося на круглом в плане глиняном оплыве.

Расчистка показала (рис. 4), что ступа имела подквадратный стилобат (9,20×8,85 м высотой 96 см). Так же, как и у Зурмала, он ориентирован по странам света — в этом отношении оба памятника следуют традиционной для буддийских ступа ориентации¹⁵. Стилобат сложен из квадратного сырцового кирпича (39—40 см в стороне на 12 см толщины), с прочерченной посередине нижней их постели чертой. Кладка выполнена на глиняном растворе, она идет с перевязкой швов по горизонтали (со сдвигом рядов на 10—12 см), но по вертикали швы почти совпадают. На этом стилобате покоилась цилиндрическая часть диаметром 5,40 м по оси север — юг и 5,12 м по оси восток — запад, сохранившаяся по высоте до 1,20 м. Сложена она в два ряда пахсы (по 50 см), а выше следовала кладка из сырца, от которой сохранился один ряд — вероятно, несколько выше этого уровня начиналось полусферическое завершение цилиндра. Пахсовые блоки выложены радиально, середина массива заполнена комковатой глиной. Возможно, что здесь располагался тайник для сохранения реликвий. С северной стороны эту комковатую массу частично выгребли и устроили под укрытием кладок очажки, от которых осталась зола и прокопченная земля. Следов штукатурки постройка не сохранила, большое же количество кусков и щебенки мергелистого известняка вокруг нее (особенно на плоском бугре к северо-западу) позволяет предполагать, что ступа имела каменные облицовки.

Время возведения этой небольшой ступа скорее всего II в. Именно в эту пору, как показали исследования 30-х годов и раскопки нашей экспедиции 1964—65 гг., в Айртаме возник на развалинах более древних построек буддийский комплекс со святилищем, в оформление которого входил знаменитый айртамский фриз (монета Канишки, найденная в кладке сырцовых стен, подтверждает эту дату).

Можно думать, что именно временем правления Канишки определяется и сооружение ступа Зурмала. Хотя сам этот кушанский государь и не был буддистом, как утверждает староиндийская традиция (преобладание в его монетном чекане изображений авестийских божеств, лишь при единичных монетных кружках с изображением Будды, свидетельствует в пользу его мадзейских симпатий), тем не менее он, несомненно, покровительствовал буддийским общинам на территории своей обширной державы. Вероятно, за всем этим лежал чисто политический расчет — с одной стороны на укрепление позиций государства Великих Кушан в подчиненных им буддизированных областях Индии и прилежащих районов современного Афганистана, с другой — на расширение контактов между входившими под его власть народами.

Зурмала и айртамская ступа отражают процесс продвижения буддизма на территорию Бактрии—Тохаристана. Они отличны друг от друга своими масштабами, вероятно, отличались и богатством внешней отделки — все это вполне объяснимо, если вспомнить, что первая возведена в крупнейшем городе северной Бактрии, который при Кушанах достигает особенно значительных размеров, а вторая выстроена в небольшом прибрежном пункте. Но обе постройки прежде всего свидетельствуют, что в эпоху Кушан буддийские общины уже закрепляют свои позиции к северу от Аму-Дарьи. Буддизм сохраняется здесь вплоть до пришествия арабов и последовавшей затем исламизации местного населения. Сюан Цзан (629 г.) со-

¹⁵ G. Gombaz. Ук. соч., стр. 109—140.

общает о буддийских монастырях-сангарама в Термезе, Саганиане, Хавамаране и других областях. О Термезе он пишет: «В нем до десятка сангарама, насчитывающих до тысячи монахов; ступа и почитаемые статуи Будды замечательны своими чудесами»¹⁶. Но если в эту пору еще иногда и возводились ступа и сангарама, что подтверждает недавнее открытие крупного архитектурного комплекса Аджина-Тепе на юге Таджикистана¹⁷, то, по словам того же Сюан Цзана, большинство буддийских монастырей на территории Бактрии — Тохаристана уже клонилось к упадку. Кушанское же время, особенно при Канишке, наоборот, было отмечено процветанием буддийских общин. Об этом свидетельствует создание крупного монастыря Кара-Тепе и возведение огромной ступа Зурмала в Термезе, появление буддийского монастыря и ступа в Айртаме. Вероятно, упомянутые Сюан Цзаном тохаристанские сангарамы, ступа и почитаемые статуи Будды в значительной своей части восходили еще ко времени Кушан. В VII в., когда они уже насчитывали до пяти веков, древность реликвий лишь увеличивала их святость в глазах почитателей.

При Кушанах, империя которых объединила области Средней Азии и Индии, возникла благоприятная ситуация для продвижения буддизма в северо-западном направлении. Самым дальним из выявленных к настоящему времени пунктов распространения буддизма был город Мерв на Мургабе, входивший во владения парфянской державы Аршакидов: работы ЮТАКЭ на городище Гяур-Кала вскрыты остатки монастыря и крупной ступа, созданных около II в.¹⁸, а за пределами укреплений — еще одной небольшой ступа. Как далеко за пределы северного Тохаристана продвинулись буддийские общины вниз по Аму-Дарье — пока неизвестно. Во всяком случае, не отрицая возможности проникновения отдельных буддистов в Хорезм, нельзя считать доказанным проникновение сюда самого буддизма. Ибо несколько фрагментов терракот с Джанбас-Калы и Кой-Крылган-Калы, принимаемых исследователями за буддийские статуэтки¹⁹, еще не дают к этому оснований, а глиняный ступенчатый предмет, который трактуется как миниатюрная модель буддийской ступа, на ступу не похож, так как не имеет цилиндрического тела, и скорее являет собой модель маленького алтаря огня, сходного по форме, например, с алтарями, изображенными на сасанидских монетах²⁰.

Возвращаясь к архитектуре обеих исследованных ступа на юге Узбекистана, подчеркнем, что хотя исходная композиционная идея их следует разработанной буддизмом схеме, бактрийские зодчие вносят в нее некоторые локальные черты. Эта локальность проявляется в приемах строительной техники. Характерно применение здесь традиционного для античной архитектуры Бактрии конструктивно-строительного материала — сырца или сырца в комбинации с пахсой, а в облицовках — жженого кирпича и белого мергелистого известняка. Ступа кушанского времени из соседних областей возводились из иных материалов. Так, ступа из комплексов Шотарак и Коли-Надир в Кабулистане имели внешнюю выкладку из мелких сланцевых плит, внутреннюю глино-галечную забутовку и несли скульптурные облицовки из темного шифера²¹. В Хадде для основного массива кладки использовались речные конгломераты или галька на глиня-

¹⁶ Si Yu-ki. Buddhist Records on the Western World. London, 1906, стр. 39.

¹⁷ Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XLII, 1964, стр. 77 сл.

¹⁸ М. Е. Массон. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. Изв. АН Туркм. ССР, сер. общ. наук, 1963 г., 3, стр. 51 сл.

¹⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 199; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 160; Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим. В кн. «Индия в древности». М., 1964, стр. 176.

²⁰ F. F. J. Rauc. Sassanian Coins. Bombay, 1924.

²¹ J. Meumie. Shotarak. MDAFA, X. Paris, 1942, стр. 11; его же. Le Kôh-i-Pahlavan. MDAFA, IV, Paris, 1959, стр. 122.

ном растворе и лишь иногда сырец, во внешних облицовках — темный шифер, сероватый песчаник, но в основном — ганч, которым наносились штукатурки, выполнялись архитектурные детали и горельефная скульптура²². В долине Свата (городище Буткара и др.) внешние кладки ступа возводились из крупных плит обработанного шифера, внутренность заполнялась крупным булыжником и рваным камнем на глиняном растворе, во внешних же скульптурных облицовках употреблялся темный шифер²³. Между тем в Южной Бактрии техника возведения ступа была та же, что и в Северной: ступа Шахри-Фолак и Тепе-Рустем в Балхе (древние Бактры) воздвигнуты из квадратного сырца, причем в облицовках цилиндрического тела последней был употреблен жженный кирпич²⁴. Интересно подчеркнуть, что этот строительный прием, характерный для купанской Бактрии — сырцовый конструктивный массив, облицованный жженным кирпичом или камнем, — таков же, как в древнейших ступа Индии (например, в Санчи)²⁵, в то время как в промежуточных историко-географических областях он не использовался.

Вместе с тем композиция термезской и айртамской ступа отлична от классических индийских, ибо полусфера здесь не покоится прямо на стилобате, но приподнята над ним на цилиндрическом барабане. И в этом отношении они сближаются именно со ступами древних областей Афганистана и Пакистана, для композиции которых характерно развитие по вертикали.

²² J. Barthoux. Les fouilles de Hadda. MDAFA, IV, Paris, 1933, стр. 45 сл.

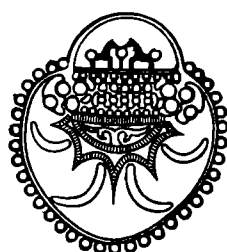
²³ D. Faccena. Mingora: Site of Butkara. Reports on the Campaigns 1956—1958 in Swat (Pakistan). Roma, 1962, стр. 55 сл.

²⁴ M. Le Berre et D. Schlumberger. Observation sur les remparts de Bactres. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 101—102.

²⁵ V. A. Smith. A History of Fine Arts in India and Ceylon. Bombay, 6/r, стр. 22.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1965

Праздник «Покрова» и иконы, ему посвященные, вполне подходили для его политических и государственных целей. Они были близки и широким народным массам, изнывавшим под тяжестью феодальных поборов и уповавших на «заступничество» богоматери. Они соответствовали представлению о богоматери как о покровительнице в военных походах. Поэтому в Галицко-Волынских землях так же остро, как и сначала во Владимиро-Суздальском княжестве, а затем в Новгороде, звучали слова службы, посвященной «Покрову», призывавшие к единству, к победе над внешними и внутренними врагами: «За ны грешный богу помолися. Твоего Покрова праздник в русей земли прославльшим... Гордыню и шатания низложи и советы неправедных князей раззори, зачинающих рати погуби и благочестивому князю нашему род возвыси...»²⁰.

²⁰ Сергей И. Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвяты Богородицы. журн. «Странник», I, 1858, стр. 401.

Г. А. ПУТАЧЕНКОВА

ПАМЯТНИК МУСУЛЬМАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА В ХАРА-ХОТО

В 1908 г. П. К. Козлов осуществил одно из выдающихся своих открытий в Центральной Монголии, проникнув в глубь пустыни к мертвому городу Хара-хото. «Мысли о Хара-хото приковывали целиком наше внимание и наше воображение... Сколько мечталось о Хара-хото и его таинственных недрах!», — писал он впоследствии в своем научном отчете. Он осуществил обследование городища, снял план, сделал ряд фотоснимков и провел первичные археологические раскопки, давшие богатый и разнообразный материал¹.

В 1962 г. путь П. К. Козлова повторил участник советско-китайской палеонтологической экспедиции А. К. Рождественский, который обследовал развалины Хара-хото и сделал ряд фотоснимков.

Среди любезно присланных нам А. К. Рождественским фотографий привлекает внимание купольная постройка, стоящая близ юго-западного угла вне городских стен. Здание это значительно отличается от прочих руин городища, крепостные стены и субурганы которого явно связаны с китайской архитектурной традицией. П. К. Козлов, опубликовавший фотографию и схематический рисунок «поперечного разреза» сооружения (рис. 1), упоминает его как «нечто вроде мусульманского молитвенного здания-мечети»². Ряд конкретных деталей о памятнике был сообщен нам А. К. Рождественским.

Здание построено из кирпича и оштукатурено. Главная ось ориентирована с запада на восток, вход расположен с восточной стороны. Квадратная призма основного объема (около 10 м в стороне) фланкирована по углам с уровня цоколя сильными трехчетвертными столбами. Стволы их несколько сужаются вверх, завершены венцом из диагонально выложенных кирпичей и несут ступенчатый парапет. Боковые фасады как будто были обработаны лопатками. Купол приподнят на переходном восьмигранном объеме.

Главный фасад подчеркнут сильно выступающим порталом, где три П-образные рамы обрамляют стрельчатый свод невысокого подъема (рис. 2). Свод этот имеет форму конхи, причем переход от прямоугольного плана к полуосьмиграннику, а затем к полукуполу осуществлен с помощью консольно-ячеистых угловых парусов и расположенной над ними аркатуры. В торцовой стене — стрельчатая арка входа.

¹ П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.— Прг., 1923, стр. 101—112.

² Там же, стр. 104, рис. на стр. 106, 107.

Схематический разрез П. К. Козлова, несмотря на всю условность проекции, дает представление о системе конструктивных устройств интерьера. Над квадратным планом основного объема в углах выведены перспективно-уступчатые паруса (о пяти уступах), осуществляющие переход к восьмиграннику, объем которого выделен и снаружи. Здесь П. К. Козлов или условно располагает те сквозные арочные проемы, которые лежат на осях здания, или показывает осевые нишки (высота их на чертеже 1 аршин 11 вершков). Вышележащий ярус оформлен аркатурой из 16 стрельчатых арочек, между которыми выведены небольшие четырехъярусные консольно-ячеистые паруса, осуществляющие переход к окружности купола. В верхнем участке его кладки — декоративный пояс из 16 сегментовидных фестонов. Купол одинарный; его почти полусферическая, с некоторым сужением к замку, скупья выведена вверх в один кирпич, утолщаясь к основанию.

Вопрос о времени и обстоятельствах возведения постройки пока не уточнен. Судя по характеру архитектуры, не возникает сомнения, что здание связано с «мусульманской» строительной традицией. Но мечеть ли это? Такому истолкованию противоречит наличие сквозного проема с западной стороны (рис. 3). Если даже предположить, что первоначально он был частично заложен, образуя михрабную нишу, то и при этом ориентация оси следует не на кыблу, так как при строгой разбивке ось должна быть направлена на юго-запад. По типу здание скорее напоминает мусульманский мазар. Этому предположению отвечает и ориентация, которая в мусульманских мазарах обычно следует странам света, и общий характер архитектуры здания. Сейчас надгробия в нем не видно, но оно может быть скрыто под завалами, покрывающими пол. Кроме того, мазар мог быть возведен и как «кадам-джой» — «место следа» какого-то видного деятеля ислама.

Вопрос о датировке хара-хотского памятника определяется на основании конструктивных данных. Появление сырцовых перспективно-уступчатых парусов в архитектуре одной из самых высокоразвитых провинций Среднего Востока — в Хорасане отмечается еще в раннем средневековье; что же касается консольно-ячеистых парусов, то они возникают здесь лишь с XI в., получив распространение в конце XI—XII в. (мавзолей Астана-баба, караван-сарай Дая Хатын)³. Однако в северных и восточных районах Средней Азии эти конструктивные системы получают широкое применение лишь в конце XIII—XIV в. (в Хорезме — мазар Шейх-Мухтар-Вали начала XIV в.⁴ и мавзолей Сеида Алауддина в Хиве начала XIV в.)⁵, в Фергане — комплекс мавзолеев XIV в. Касане, из которых

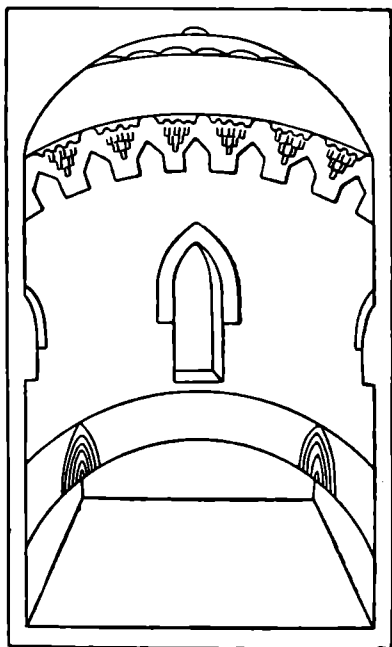

Рис. 1. Мазар Хара-хото. «По-перечный разрез». Чертеж П. К. Козлова

³ Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 232—234, 248—250.

⁴ И. И. Ноткин. Малоизвестные памятники хорезмского зодчества. «Искусство зодчих Узбекистана», I, Ташкент, 1962, стр. 150, рис. 2, 3.

⁵ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 38, 164 рис. 22, а.

один имеет уточненную дату 1340—1341 г.⁶ Конструктивное сочетание перспективно-уступчатых угловых парусов и промежуточных консольно-ячейстых можно видеть в так называемом мавзолее Хазрети-Имам в Шах-рисябзе, возведенном по распоряжению Тимура в 1379 г. хорезмскими мастерами, в соответствии с привычными для них традициями⁷. Отметим, что устройство подкупольных аркатур в интерьере присуще некоторым иранским памятникам XIV в.⁸

Однако конструкция консольно-ячейстых парусов, столь характерная для Средней Азии, нетипична для иранской архитектуры. По-видимому, в XIV в. распространение ее из Средней Азии шло на восток. Отсюда она проникает и в Индию, где появляется в целой группе мавзольных построек с чисто среднеазиатским решением интерьеров (усыпальница Фирузшаха 1388 г., «Гробница в скалах», мавзоль в Мухаммедпуре и др.)⁹.

Таким образом, судя по конструктивным данным, рассматриваемая постройка в Хара-хото была воздвигнута в XIV в. С этим вполне согласуется и историческая ситуация.

В XIII в., после грандиозной экспансии орд Чингисхана, области Средней Азии и Ирана вошли в состав улусов его сыновей Хулагухана, Джагатая, Джучи, наследственные права которых затем сохраняли их отпрыски. С конца XIII и в XIV в. здесь происходит процесс постепенной исламизации монголов. Начавшись в Иране при Газанхане, принявшем в 1296 г. ислам, этот процесс захватывает и Среднюю Азию, где уже хан Тармаширин (1322—1334) был ортодоксальным мусульманином, и затем постепенно распространяется на северо-восток.

Проникновение мусульман в Монголию протекало значительно раньше. Дело не столько в обращении в ислам монгольского населения, сколько в оседании здесь мусульманских колоний, по-видимому, купеческих. В этом отношении прямое указание содержится у В. Рубрука, который пишет, что в Каракоруме имелось два квартала: «...один Саррацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал китаев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов... двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города»¹⁰. Под сарацинами автор имеет в виду мусульман — представителей среднеазиатских народов.

Очевидно, подобные колонии мусульманских купцов, осуществлявших транзитную торговлю со странами Среднего и Ближнего Востока, располагались и в Хара-хото, где следует ожидать наличие остатков особого квартала. Они могли появиться здесь еще в дочиңгизидские времена. Но лишь в XIII—XIV вв., в пору мирового могущества монгольской державы, для их закрепления были созданы наиболее прочные предпосылки, так как если на Среднем Востоке жестокость монгольских завоеваний принесла развал общественной жизни, то торгово-ремесленным представителям различных вероисповеданий, концентрировавшимся в среде самих монголов, оказывалось некоторое покровительство.

В XIV в. ханы монгольских улусов, располагавшихся в областях Семиречья, уже принявшие ислам, но сохранявшие кочевнический уклад, нередко привлекали к строительству мавзолеев для членов своего рода опытных зодчих из городов. Таков, к примеру, мавзоль Кянизек-хатун,

⁶ Б. Н. Засыкин. Архитектурные памятники Ферганы. Сб.: «Искусство Средней Азии». М., 1930, стр. 63—66.

⁷ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Ук. соч., рис. 107.

⁸ Например, мавзоль Имамзаде Али 1359/60 г. в Куме. D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. Princeton, 1955, рис. 200.

⁹ T. Wetzell. Islamische Grabbauten in Indien aus der Zeit der Soldatenkaiser 1320—1540. Leipzig, 1918, рис. 77—81, 86—96, 100—101.

¹⁰ Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 165.

Рис. 2. Мазар в Хара-хото. Восточный фасад

Рис. 3. Мазар в Хара-хото. Западный фасад

дочери эмира Бука (так называемый «Гумбез Манаса»), в Таласской долине, воздвигнутый в 1334 г.¹¹, в сооружении которого, очевидно, участвовали строители из Тараза или Ферганы. Таков мавзолей хана Туглук-Тимура на р. Хоргос¹², воздвигнутый около 1363 г., исключительная близость архитектурной композиции и великолепного изразцового декора которого к группе «ранних» мавзолеев Шахи-Зинды не оставляют сомнения в том, что в его строительстве принимали участие мастера самаркандской архитектурной школы XIV в.

В составе мусульманских колоний в городах Монголии были, очевидно, в это время не только купцы, о чем свидетельствует В. Рубрук, но и ремесленники. Во всяком случае несомненно, что руками среднеазиатских мастеров строительного дела было воздвигнуто в XIV в. здание мазара у стен Хара-хото, так как в нем запечатлены чисто среднеазиатские инженерно-строительные приемы и объемно-композиционные принципы.

¹¹ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950.

¹² Н. Пантусов. Город Алмалык и мазар Туглук-Тимур-хана. «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 161 сл.

М. В. СЕДОВА

КАМЕННЫЕ ИКОНКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Иконки, вырезанные из камня, принадлежат к числу редких находок. До сих пор они встречены лишь в очень немногих, главным образом крупных, городах древней Руси. В отличие от произведений мелкой пластики, отлитых из цветных металлов, каждая маленькая иконка резалась мастером индивидуально, поэтому они никогда не повторяют друг друга. Вследствие этого каменные иконки не были предметами массового ремесленного производства. Каждая такая находка является своеобразным образцом древнерусского искусства и иконографии, а кроме того, иногда и палеографическим документом, так как среди немногочисленной коллекции каменных иконок есть экземпляры с надписями.

Новгородские каменные иконки издавались Д. В. Айналовым, В. К. Мясоедовым и А. В. Арциховским¹. В 1951—1963 гг. в результате археологического изучения Новгорода коллекция каменных иконок пополнилась девятью новыми экземплярами, публикации которых посвящена настоящая статья. Встречены они в хронологически различных слоях (от XII до XV в. включительно) и отчасти поэтому весьма различны по технике изготовления, манере и мастерству исполнения.

Самой древней из новгородских находок является круглая иконка, вырезанная из светло-серого известняка (диаметром 4,5, толщиной 0,7 см). Найдена она в слое первой половины XII в. (ярус 20). На лицевой стороне иконки изображена поясная фигура Иоанна Предтечи в фас (рис. 1, 1). В левой руке святого — крест, в правой — свиток. Нимб и вырез одежды орнаментированы. Резьба выполнена высоким рельефом. По сторонам фигуры святого сделана надпись, слева — «Иоан», справа — «Предтеча» (с лигатурой Д и Т). Вся композиция заключена в круг.

Данных для палеографической даты этой находки нет. Начертания букв надписи не противоречат стратиграфической дате. Правда, написание «Ч» в виде «палочки с расщепом наверху» характерно для памятников

¹ Д. В. Айнал ов. Две каменные новгородские иконки. Тр. Новгородского церковно-археологического общества, т. I, Новгород, 1914, стр. 67—72; В. К. Мясо е до в. Каменный образок Новгородского Епархиального Древлехранилища. Там же, стр. 189—191; А. В. Арци х ов с к и й. Раскопки на Славне в Новгороде, МИА, 11, 1949, стр. 141.